

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ:
О «СЛОВАРЕ ГОВОРОВ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ»**

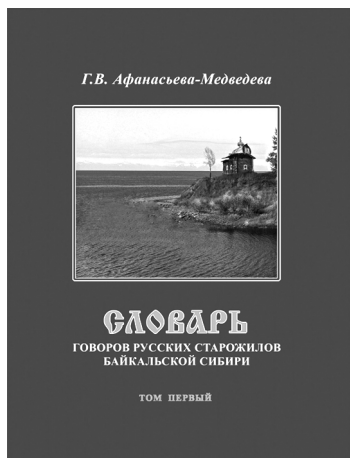
TATIANA D. ROMANTSOVA

LEXICOGRAPHY OF PEASANT LIFE: ON "THE DICTIONARY OF RUSSIAN OLD-TIME RESIDENTS OF BAIKAL SIBERIA"

Задуманный первоначально как 20-томное издание, но постепенно выросший в 40 томов «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» предоставляет исследователю уникальные материалы для разработки собственно лингвистических, лингвокультурологических, этнолингвистических, лингвогеографических и других проблем.

Сбором материалов для словаря уже более тридцати лет занимается доктор филологических наук, профессор Галина Витальевна Афанасьева-Медведева. И в одиночку, и с преподавателями и студентами Иркутской государственной академии образования, а с июня 2012 года с сотрудниками Регионального центра русского языка, фольклора и этнографии Иркутской области Галина Витальевна предпринимает полевые исследования, находит и изучает образцы вербальной культуры русского старожилого населения (обряды, обычаи, верования, сказки, песни, мифы, легенды, бытовые рассказы и т. д.). Более чем в полутора тысячах сел и деревень Иркутской и Читинской областей, Красноярского края, республик Бурятия и Саха (Якутии) ею зафиксированы культурно-исторические объекты, говорящие о самобытности народов региона и представляющие интерес для будущих поколений сибиряков. Более чем 200 000 памятников вербальной культуры составляют фонд аудиозаписей Центра русского языка, сделанных в условиях естественного бытования земледельцев, скотоводов, рыбаков, охотников, ремесленников. Параллельно с этим фондом создается электронная картотека нескольких тысяч талантливых рассказчиков-носителей фольклора, фотоархив памятников материального быта и предметов народного искусства, видеоарсенал производственных процессов Прибайкалья и Забайкалья.

Все эти документальные данные и составили «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой, который начал свой путь в 2006 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Наука», а сегодня выходит в свет в Иркутске, сохраняя научный патронат Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Института лингвисти-

ческий исследований РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Доктор филологических наук, ответственный редактор первого тома, научный редактор и рецензент второго тома издания Федор Павлович Сороколетов назвал словарь «выдающимся памятником духовной народной культуры Сибири второй половины XX — начала XXI столетия», «поистине самоотверженным подвигом», «титаническим трудом», который по богатству и ценности материалов «сопоставим со Словарем В. И. Даля».

Валентин Григорьевич Распутин именовал труд Г. В. Афанасьевой-Медведевой «новой редакцией „Повести временных лет“». В предисловии к словарю он написал: «До чего же звучно и красиво здесь слово, как радужно оно переливается, приближается с другими, чтобы сказать тепло и живо, трепещет крылышками, взлетая в замысловатых формах с каких-то таинственных гнездовий, почти песенно выговаривая душу...»

По типу определения значений диалектных слов «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» — переводно-толковый. Основными способами семантизации являются: развернутое толкование (включая описательное толкование с элементами энциклопедизма), синонимическая подстановка, развернутое толкование и синонимическая подстановка, толковательные формулы «То же, что», «Ласк. к...» и т. п.

Общие сведения о старожилах XVII–XVIII вв. (состав переселенцев, места заселения и внутреннего распространения, период формирования диалектов), гипотеза о сходстве говоров соседствуют в словаре со всеобъемлющим описанием уровневых особенностей речи русских старожилов Байкальской Сибири: фонетики (ударного вокализма, консонантизма), морфологии (существительного, местоимения, прилагательного, глагола, наречия, частицы), синтаксиса (частотных и нечастотных словосочетаний и предлогов, состава сказуемого, особенностей координации главных членов предложения, продуктивных типов связи в однородных конструкциях, т. д.). В результате анализа материалов словаря, сравнения этих данных с дан-

ными других письменных источников и архивных документов первой половины XVIII в., говоры русского старожилого населения Байкальской Сибири названы группой сибирских говоров, сложившихся на севернорусской основе.

Научная ценность источника состоит в том, что значение каждого слова иллюстрирует связный текст — произведение устной народной прозы (народный рассказ, предание, легенда, быличка, бывальщина и др.). Тексты собраны по принципу художественных достоинств и информационной насыщенности (культурно-исторической, фольклорно-этнографической). Тексты приведены без точной фонетической транскрипции, но с передачей основных диалектных особенностей (ударные гласные, долгие твердые шипящие, ассимилятивные и диссимилятивные процессы между согласными, упрощение групп согласных, стяжения). Внутри каждой статьи курсивом выделены типичные фонетические явления говоров и диалектные слова, которые являются заголовочными в данном словаре.

Все рассказы старожилов о местных нравах и обычаях, о психологии русских крестьян Сибири введены в науку впервые, равно как и уникальный видеоряд, сопровождающий предания, легенды, былички. На цветных фотографиях издания — мастера народного слова, предметы быта, фрагменты традиционной архитектуры, виды селений, домов, интерьера, местного ландшафта.

Чтобы сохранить для потомков образцы живой речи, некоторые тома словаря снабжены компакт-дисками с видеоматериалами. На электронные приложения записаны фрагменты устных новелл в момент их естественного бытования. Видеозаписи дают представление о характере исполнения, голосе рассказчика, его интонации, тембре, ритме и других особенностях звучащей речи старожилов.

В словаре использован известный в лексикографии принцип описания иллюстративного аппарата: комментарии, содержащие точные паспортные данные каждой текстовой единицы. К словарю присоединены приложения с указанием биографических данных информантов, мест записи текстов (отмечены все районы, области, края или республики, где бытует данное слово), мотивов и сюжетов.

Таким образом, «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» имеет непреходящую собственно лингвистическую и лингвокультурологическую ценность. Он, несомненно, расширяет представления о прагматическом разнообразии и эстетическом богатстве нелитературного пласта русского национального языка.

Перечислим основные позиции, демонстрирующие уникальность словаря как источника сведений о родном языке.

1. В словарь дифференциального типа вошла диалектная лексика и фразеология на темы природы, охоты, рыболовства, земледелия, скотоводства, пчеловодства, огородничества, строительства, традиционных ремесел, обрядов и верований. Словарь включает названия домашней утвари, орудий труда, одежды, обуви; топонимику, антропонимику. Все это — тематические разряды лексики, собранной методом «сосуществования», длительного пребывания у русских сибиряков-старожилов, которые убеждены, что их деды и прадеды — местные («здешние», «коренные») жители.

Например, в с. Бедея Кежемского района Красноярского края от Леонида Александровича Брюханова (1934 года рождения) в 1988 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, легший в иллюстративную часть словарной статьи:

«ВЗДЫМКА. *НА ВЗДЫМКЕ РАБОТАТЬ. Собирают живицу. Ср.: *НА ВЗДЫМКАХ РАБОТАТЬ.

На вздымке работал в химлесхозе. Ну, *вздымщик* на подсочке, добывал живицу, *корил* лес, подсачивал.

[— А что такое корить лес? — Собира.]

Это кору подготавливать к резке. Летом. А зимой *окоряли* [221 (7). Бедея Кежемск. Красноярск.]»¹.

2. Словарь дает представление о лексическом разнообразии байкальских говоров русского населения, четко структурирует диалектные лексемы благодаря выделению структурных классов лексических (слов с корнями, отсутствующими или отличающимися словообразовательными аффиксами от литературных единиц; сложных слов, обе или одна часть которых известна в литературном языке), фонетических, семантических диалектизмов (слов, совпадающих с литературными по составу и звучанию, но расходящихся по значению); диалектных словосочетаний; фразеологических диалектизмов.

Например, в с. Седаново Усть-Илимского района Иркутской области от Марии Егоровны Шаманской (1933 года рождения) в 1986 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, составивший иллюстрацию к лексеме «вить»:

«ВИТЬ. *ВИТЬ ХОРОВОД. Водить хоровод, двигаться по кругу с пением и пляской.

Если *дождь* хороший, сильный шёл, когда вот урожай, вот когда надо было поливать, дак девки все выскакали на улицу, говорит... Но надо было *хоровод вить*. Обязательно. Но *токо* девкам восемнадцати лет, *гыт*, бегать кругом. За руки брались и как хоровод водили под дождём. Говорели, что пшеница наливется...И если

дождж пошёл такой сильный, и вот бабушка говорила всё время, что надо восемнадцати лет девкам хороход *вить* обязательно под этим дождём. Это *баушка* рассказывала, баба Даша [340 (7). **Седаново Усть-Илимск. Ирк.** (Баргузинск., Кабанск., Кяхтинск. Бурятии; Балаганск., Баяндаевск., Боханск., Братск., Казачинско-Ленск., Катангск., Качугск., Ольхонск., Осинск., Слюдянск., Усть-Илимск. Ирк.; Тасеевск. Красноярск.; Сретенск., Шилкинск. Читинск.)]»².

3. Лексикографический источник систематизирует краевую ономастику (топонимы: ойконимы, гидронимы, оронимы, микротопонимы; антропонимы: личные имена, имена-прозвища; зоонимы, мифонимы, космо-нимы, агнионимы, экклезионимы, народные названия праздников, этнонимы).

Например, в с. Ярки Богучанского района Красноярского края от Галины Федоровны Лушниковой (1929 года рождения) в 1986 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, составивший иллюстрацию к гидрониму:

«ВИНОКУРНЫЙ РУЧЕЙ. *Гидроним. Название реки, протекающей на территории Качугского района Иркутской области.*

У нас аппарат был самогонный раньше. В бочки за-таривам брагу, муки туда, и вот она стоит киснет-киснет, потом всё, уже надо варить. Мы на коня эту бочку и вон в ту... Варить-то, это там в лесу не видно, у этой, у *Винокурного ручья*. И туда увезут <...>. А там вдвоём и посиживашь, поваривашь. Пробеуешь. Которы потом и выползти не могут *оттуль*. А который раз она *пригорь* получится! Вот мы с этого, какой вот у нас был, как... сабангуй-то назывался, после жнитва, допустим, в клубе соберёмся. А этот самогончишко бывает *пригорь!* Жрём! Ничего!

[— А делали-то из зерна? — Собира.]

Из зерна и из *аржаной* муки. Туда положишь дрожжей наберёшь, и в тепле [318 (7). **Ярки Богучанск. Красноярск.**]»³.

4. Словарный материал, расположенный в алфавитном порядке, снабжен сетью перекрестных отсылок к фонематическим и акцентным вариантам слова, что, в свою очередь, даёт представление о вариантности как о важнейшей черте байкальских говоров.

Например, в с. Зюльзя Нерчинского района Читинской области от Ульяны Андреевны Анциферовой (1894 года рождения) в 1981 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, составивший иллюстрацию к наречию «вкрадкой»:

«ВКРАДКОЙ, нареч. Тайком, украдкой. Ср.: ВКРАД, ВКРАДКОМ, ВКРАДОЧКУ, ВКРАДУЧИ, ВКРАДУЧИТЬСЯ, ВКРАДЧЕ, ВКРАДЧИМ, ВКРАДЧУ.

А *ичиги* шили из кожи. Скотину заколят, её выделают. В войну-то у нас отбирали же эту кожу, носить нечего, *обуток* не было. Да *вкрадкой* делали эту, кожу-то. Вот сделаешь, вечером делаешь, а на день-то в подполье забрасывали. Ой, жили-то *всяко-разно!* А *час* в народе и *браво* стало, жизнь, — уже смерть подходит [389 (7). **Зюльзя Нерчинск. Читинск.**]»⁴.

5. Словарь может служить прекрасным подспорьем для изучения стилистических регистров речи русского старожилородного населения Прибайкалья и Забайкалья. В источнике очерчен эмоционально-экспрессивный и оценочный фон говоров: используются пометы, указывающие на оценочную, экспрессивную, эмоциональную характеристику единиц; сделан акцент на отнесенность лексики к промысловой или ремесленной зоне: *охотн., рыбол., ткац.*; маркирована обрядовая лексика. Пометами, связанными с частотностью употребления, выделена архаичная лексика, связанная с утратой обозначаемых реалий или заменой наименования предметов.

Например, в с. Обор Петровск-Забайкальского района Читинской области от Нины Васильевны Кузнецовой (1935 года рождения) в 2008 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, составивший иллюстрацию к экспрессиву:

«ВИСЛОБРОВЫЙ, -ая, -ое. Экспр. Хмурый, недоброжелательный, глядящий исподлобья.

Мама моя тоже *Стишку* в вид *видела*, бандита, он убивал богатых... И *Стишку* встретила. *Вислобровый* такой, говорит, взгляд-то такой страшный (...). Она же жили-то на *станке*, мама-то.

А сюда-то переехали, в *Обор-то*, ну а дорога-то была, может, она *со станку* шли или где ли, и он её встретил. Встретил *на станке*, там где-то дорогой, да и спрашивает:

— Ты почему, бабушка, одна ходишь-то?

А она говорит:

— А чё?

— А *Стишку-то* не боишься?

Она говорит:

— Да не, не боюсь. Я чё его буду бояться, *Стишку-то?! —* говорит.

А он и говорит:

— А вот я *Стишка*.

Ага. Прямо сказал:

— А я вот *Стишка* [328 (7). **Обор Петровск-Забайкальск. Читинск. (повсем.)**]»⁵.

6. В словаре выстроены синонимичные связи лексем внутри говоров — разнокорневые и однокорневые синонимы перечисляются в первой по алфавиту словарной статье после сопоставительной пометы «Ср.».

Например:

«**ДВЕРЕДИТЬ**, -жу, -дишь; *несов., перех. Ткач. Ссучивать; свивать, скручивать две нити (пряди) в одну. Ср.: ДВОЕРЯДИТЬ, ДВУРЕДИТЬ, ДВУРЯЖИТЬ.*

Сеяли коноплѣ. Вырастет. Потом её начинают дерьгать. Выдержают таким горстям, завяжут в кучу, кучам большим ставят. Потом, когда подсохнет, молотить его надо, молотилом молотили. Измолотят, зерно там провеют, соберут в кучу, а это, значит, мочат, корни-то, неделю, две ли мочат. Вымочат его, потом *женски-то* вытаскуют и на мялке мнут. Изомнёшь. *Шитоткам* чесали и верёвки делали. Потом на *прядее* пряли. То лето пряли, потом *двередили*, ссучивали, чтоб толще были. На *задники* верёвки, на изовёртка вожжи. Кули пряли, трусы, полотенца шили, рубашки шили, юбки, платье. Я носила трусы: тонко мама нарядѣт. Покрасят чистотелом: напаришь корни и в отвар и туда платье. Оно прямо *жарко-жарко*, красиво. К Пасхе, к празднику одеёшь [155 (13). Толмачёво Качутск. Ирк. (повсем.)]»⁶.

7. Словарь дает возможность по последовательности расположения значений многозначных слов определить логические или генетические связи между семантикой или частотой употребления слов (по убыванию).

Например:

«**БРЮХО**, -а, *ср. 1. Живот.*

А вот в *Зун-Мурине* тоже жил *Магай*. Наша тётка Фиса, дак он свёкор ей был. Он потом ходил, *баушка-то* отправит всего, хлеба наладѣт, гостинца, а он заблядовал с тёткой этой, Аглей, с соседкой-то. Придѣт по огороду и к тётке Агле зайдѣт, и всё отдаст. А потом свекровка-то пришла к ей да говорит:

— Чѣ, понравилосъ?

Она говорит:

— А чѣ?

— А я тебе гостинца-то отправляла?

Она говорит:

— Нет, я никакого гостинца, — *грит*, — не видала, мне не приносит никогда.

Вот его разоблачили. А он потом знашь чѣ тётке Фисе заделал? У неё всю дорогу *брюхо* ревело. Вот эдак: «И-и-и!». Ой! Потом *брюхо* совсем утянулося у ней, пуп-то совсем туды утянулся. Она, бедна, так ходила. И потом всё давило-давило-давило её, всё ревело-ревело! Ой! Она говорит:

— У меня солитѣр.

Папе, папка поедет в *Слюдянку*, она закажет:

— Купи-ка мне омуль. Я буду выводить, это солитѣр.

И всё вот это, омуль ела. Он ей прямо привезѣт вот такого омуля! Ой, чѣ здоровый омуль! Ага. Ой-ой, я удивлялась! Вот не поверишь: вот таки толстые и вот таки! Вот чѣ! Омуль. Он привезѣт, она ест (...). Я часто к ей всё время ночевать бегала. И вот это:

— И-и-и! — закричит в *брюхе-то*.

И она потом так, слюна у ей вожжой шла-шла-шла, так умерла. Ничѣ они, это, не могли. Надо было к ламе, а он, *грит*, знал и, видно, сильно знал, какой-то *Магай* тоже, *грит*, жил. Вон дядя Яша-то, отец, видно, был. И вот ей заделал, вот свёкор-то. Она бедна, ой, чѣ мучилась-то! (...).

Тётка Фиса. Она жила на *Харшелоте*. Они две соседки, *врядом* жили.

А он обойдѣт да и к тётке Агле зайдѣт, всё ей отдаст [482 (4). Еловка Тункинск. Бурятии (повсем.)].

2. Живот беременной женщины.

Я одна. Трое детей у нас родилося. Старший сын с орок восьмого года, самый голод. Я ходила в положении. Картошек нет, один турнепс, а турнепс рожался как ступля, полно подполье. Я вот этот турнепс или напеку его, или сырым ломтям нарезаваю: мне чем-то *брюхо-то* надо набить, он у меня там *становит*, ребѣнок-то. Ну, вот *всяко-разно* растила его тоже в *брюхе*. Родила, мучилась — закусить даже вот с *родин*, даже капельки крошки хлеба. А он как раз, дед-то, был в городе, уехал за семенам на паре коней. Это было тринадцатого вот апреля. Вот он, это... Я как раз мучаюся, рожаю ребѣнка этого, первого, ну и молода ещё, это, девятнадцать лет, и трое суток мучаюся. Уже без сознания, а сюда ехать двадцать пять километров, тут врач-то как была в *Лянуновой*, двадцать пять километров верхом. А апрель, распутица, земля, *проступня*. А вон и сейчас *проступни*, ну, дорога-то, снег-то, проваливаются. Когда мягко идѣшь, они проваливаются. Ну, даже по дороге, у меня вот Ольга, *Кольчинова* мать, Ольга со мной была, вела меня по деревне, по дороге, и мы падали. *Проступни. Проступимся* и падам. И едва поднимет меня, а у меня роды. И вот кое-как, это... Ну и водила. Он приехал *вяхом*, бросил коней, семена эти, горох. Приезжат. Ладно, что он, как... Ну, вот стояли меня тут. *Поисти* нечего, с *родин*. Господи! Чѣ, кого. Ну, кого-то, Бог его знает, *баланду* каку-то там принесли кто. Бабушки, четыре бабушки было, *баушничали*. Ну, родился, чѣ, некогда водиться было. Надо работать, зарабатывать, надо было в минимум выработать двести сорок трудодней, *душа вином* [483 (4). Усть-Киренга Киренск. Ирк. (повсем.)].

3. Беременность.

У меня свекровка рассказывала. Мама, говорит, только приляжет... Невестка она, значит, его, дедушки невестка, мама-то её-то, свекровка-то. Она, говорит, всё делает: моет-моет (некрашено же было всё), белит, моет, скребѣт. Только мама, говорит, приляжет, а он подойдет, дед-то, и говорит:

— Солоня! — Соломонида она. — Солоня, вставать надо! Там налаживать на стол (Великий же пост, не ели же никого). — Солоня, вставать надо!

А я ей, свекровке-то, говорю:

— А чѣ Варварушку-то свою не будил, жену? Сильно уважал?

А она ничё делать не умела! Ничё, *гыт*, делать не умела, а любил! Пока, говорит, она, говорит, бегат-бегат-бегат — на столе всё ничего нет. Пока, говорит, нас мать чаем напоит, в зала дорогу проторит. И вязать начнёт — раньше же всё *самодельно*: вязали, ткали, пряли. Она ничего делать не умела, говорит <...>. Но прожила за ним.

Ну а вторая невестка, та — чистота, дети там — двадцать пять *брюх* было, девять в живых было. Всё делала как *метелёк*. Дак каждый день её бил. Он бил и приговаривал:

— Сама будешь сороковая.

Тридцать девять детей, а она будет сорокова. Ну, их было, правда, двадцать пять всего. Девять выросло.

— Сама, — говорит, — будешь сорокова.

Рябёнок, рябёнок, рябёнок — она *простая* не ходила. Идёт свадьба — уже сына женит. Ага, а моя бабушка рассказыват. Евдокия вышла, стоит, говорит, — *брюхо* большо! И *ешио* двоих родила. Невестка рожат, и она рожат. Вот так прожила. А ту — не шевелил. Варвара. Я говорю:

— Варварушку-то эту свою чё не будил?

А он:

— Вот не будил.

Это на Паску. А он сидит всю ночь молится, дедушка-то этот, Иван Иваныч, всю ночь сидит молится, и она где-то во второй половине ночи-то уже должна стол накрыть, невестка-то. Вот она уже тут всё-всё на стол поставит, и мясное — тут всё ломится от мясного, от молочного [484 (4). *Чекан Жигаловск. Ирк.*]»⁷.

Таким образом, материалы словаря дают довольно полное представление о той обширной лексической нише в пространстве русского национального языка, которая до сих пор была недостаточно хорошо известна специалистам и широкому кругу любителей языка.

Известный писатель, публицист Владимир Крупин сказал о словаре в интервью журналисту Иркутского областного радио Татьяне Сазоновой: «Для меня он то, что называют „настольная книга“... Это не столько Словарь, сколько портрет эпохи, памятник нравственности и силе русского народа, в данном случае — сибирского... Это судьбы людские, это величайшая тяжесть пробования к жизни, сохранения семьи, деточек, стариков. Это свидетельство мощной выживательной силы нашего народа».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / Научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Т. 7. Иркутск, 2011. С. 177.

² Там же. С. 267.

³ Там же. С. 251.

⁴ Там же. С. 295.

⁵ Там же. С. 258.

⁶ *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / Научн. ред. Л. Л. Касаткин, С. А. Мызников. Т. 13. Иркутск, 2014. С. 144.

⁷ *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: В 20 т. / Научн. ред. В. М. Гацак, Ф. П. Сороколетов. Т. 4. Иркутск, 2009. С. 375–378.

Т. Д. Романцова,

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Регионального центра русского языка, фольклора и этнографии Иркутской области, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента Иркутского государственного университета

О НОВОМ ПЕРЕИЗДАНИИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ В. Е. АДОДУРОВА (1731 г.)

SERGUEY V. VLASOV, LEONID V. MOSKOVKIN
ON THE NEW REPUBLICATION OF V. E. ADODUROV'S RUSSIAN GRAMMAR (1731)

Рецензия на книгу:

ВАСИЛИЙ ЕВДОКИМОВИЧ АДОДУРОВ. «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» или «Первые основания русского языка» / А. А. Ветушко-Калевич, С. С. Волков, Л. Н. Григорьева и др.; отв. секр. Н. В. Карева. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 256 с. — (Формирование русской академической грамматической традиции).

Рецензируемое издание впервые вводит в широкий научный оборот русскую грамматику В. Е. Адодурова — «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (далее — «Anfangs-Gründe»). Это небольшое (всего 48 страниц) произведение, написанное на немецком языке или переведенное на немецкий язык и опубликованное в 1731 году в качестве приложения к немецко-латинско-русскому словарю, так называемому

«Вейсманнову лексикону»¹, является первой печатной академической грамматикой русского языка.

На протяжении долгого времени считалось, что первую академическую грамматику русского языка написал М. В. Ломоносов². Все же, что было до этого времени, признавалось малозначительным и не заслуживающим внимания. Однако после того, как Б. А. Ларин опубликовал в русском переводе со своими коммен-